

моей статьи: в ней нѣтъ никаких указаній на тѣ пути, которые могли бы привести к осуществленію моих предчувствій и устремленій. Если я, тѣм не менѣе, написал все то, что написалось, то лишь по глубокой увѣренности, что для всѣх политических дѣятелей эмиграціи — вождей и рядовых работников — прежде всего важно духовное ощущеніе той Россіи, за которую только и стоит бороться и которая в С.С.С.Р. уже сейчас так же существует, как облик милаго лица на непроявленной пластинкѣ. Преслѣдующее меня, как я признавался вначалѣ, жестокое отталкиваніе от обѣих Европ сыграло роль проявителя. Подлинное лицо рождающейся в совѣтской Россіи Россіи живо стоит перед глазами. Вѣра в возможность его историческаго воплощенія непоколебима. Жива потому и надежда, что, если не отводить глаз и неустанно крѣпить волю, то найдутся и конкретные пути борьбы и побѣды.

Федор Степун.

Аура коммунизма

Отвратительна атмосфера, образовавшаяся вокруг русскаго коммунизма, и мучительно невѣрны всѣ сужденія о нем, самыя противоположныя сужденія. Всѣ реакціи на коммунизм происходят как бы в искусственной средѣ, при отсутствіи свободного дыханія. Реакціи большей части русской эмиграціи ошибочны и извращены. Но по другому ошибочны и извращены реакціи *intellectuels* Западной Европы. Ужасна атмосфера, созданная коммунизмом, потому, что в ней ничто не рассматривается по существу, и что в ней почти невозможно рассмотреть истину. Иностранец, пріѣхавшій рассматривать совѣтскую Россію, при всем желаніи истины рассмотреть не может. Правда, иностранцы проявляют иногда большое легкомысліе в своих сужденіях о Россіи. Но самыя противоположныя сужденія путешествовавших по странѣ совѣтов одинаково могут быть вѣр-

ными и невѣрными, как и сужденія русских, прїѣхавших оттуда. Если цѣлостная истина вообще с трудом доступна людям, то она совсѣм недоступна по отношенію к опыту осуществленія коммунизма в Россіи. Атмосфера вокруг русского коммунизма насыщена пропагандой, которая ведется с необычайным искусством. Слишком много в реализаціи коммунизма показательнаго и примѣрнаго. Иностранцам удалось даже внушить ту мысль, что в Россіи в прошлом никакой культуры не было, что это была дикая страна и что впервые культура насаждается коммунистической властью. В это повѣрили люди, восторгавшіеся русской литературой и русской музыкой. Французских писателей лѣваго направленія удалось даже убѣдить, что в совѣтской Россіи, в противоположность странам фашистским, существует свобода слова и мысли. Во французской печати пишут статьи, в которых утверждают, что Стасова, чекистка, — святая, Радек — великій и очаровательный человек и т. п. Нравственный ореол старых русских революціонеров перенесли на большевиков, в то время как они нравственно стояли ниже не только прежних поколѣній революціонеров, но и социалистов-революціонеров и меньшевиков, так как считали всѣ средства дозволенными для достиженія своих цѣлей, послѣдніе же все-таки стѣснялись в средствах. К русским коммунистам, чуждым всякой сантиментальности, существует сантиментальное отношеніе издалека. Таким слюнявым сантиментализмом отличается, напримѣр, Гюенно, когда он пишет о русском коммунизмѣ. Отношеніе западных людей к русскому коммунизму и к совѣтской Россіи до такой степени лишено свободы, что нѣкоторые люди, симпатизирующіе русскому коммунизму, хотя и не коммунисты, готовы повторять за сталинистами, что Троцкій измѣнник революціоннаго коммунизма, контр-революціонер и чуть ли не защитник капитализма, хотя, в дѣйствительности, он единственный, оставшійся вѣрным идеѣ интернаціональнаго коммунизма. Атмосфера, образовавшаяся вокруг коммунизма, отвратительна тѣм, что она требует рабскаго поклоненія Сталину и совѣтскому правительству, поклоненія господствующей силѣ и власти, и дѣлается совершенно невозможным обсужденіе идейной сто-

роны коммунизма. Все в сущности опредѣляется тактикой и всѣм интересуются лишь в отношеніи к тактикѣ. Этот примат тактики был уже у Ленина. И наче и быть не может, если основной проблемой стало завоеваніе и охраненіе власти. Власть порождает утилитарное отношеніе ко всему. *)

Тяжелая, давящая атмосфера вокруг коммунизма, вокруг проблем коммунизма и социализма, имѣющих мировое значеніе, связана с тѣм, что группа людей, людей идейных, пожелавших осуществить коммунистическое общество, в котором видѣли справедливость и правду, захватила в свои руки власть над самым большим в мірѣ государством. Поэтому коммунизм не есть только революція, мировая революція, коммунизм есть также государство, желающее быть сильным, есть также власть, желающая, во что бы то ни стало, охранять себя. За коммунистами, мечтавшими о совершенном социальном строѣ, скрыты лсѣ богатства огромнаго государства, армія, пушки, хорошо, слишком хорошо организованная политическая полиція и пр., и пр. И коммунисты других стран чувствуют за собой финансовую, военную, полицейскую силу огромнаго государства. Для Ленина проблема социальной революціи была прежде всего проблемой завоеванія и организациі власти. Сила государства должна стать орудіем социальной революціи. В этом предшественником Ленина был Ткачев. Для этого нужно было себѣ усвоить не только традиціи революціонной интеллигенціи, но и традиціи русской исторической власти, начиная с великих Князей Московских, с Іоанна Грознаго и до Петра Великаго и власти императорской. Ленин преуспѣл, но этим своим успѣхом он вверг коммунизм и задачу социального переустройства міра в атмосферу политиканской лжи, утилитарнаго расчета, организованнаго в мировом масштабѣ шпіонажа, борьбы за власть, не останавливающейся ни перед какими жестокостями. И это атмосфера не только русская, это атмосфера мировая. Западные коммунисты и даже просто сочувствующіе коммунизму и даже сочувствующіе не коммунизму, а совѣтской Россіи уже не мо-

---

*) Я вполне сочувствую военному союзу Франціи с совѣтской Россіей, но совершенно ипаче отношусь к сближеніям на почвѣ культурной.

гут критиковать Сталина, потому что Сталин — власть, не могут выражать сочувствия какой-либо оппозиции, правой или левой, не могут признать, например, что Троцкий остался верен традициям революционного марксизма. Все стали ультра-этатистами, все поклоняются государственному могуществу. Свобода суждений в этой атмосфере совершенно утеряна. Даже живущие на свободе западные люди чего-то боятся. Западные *intellectuals*, все же политики и часто очень naive в социальных вопросах, лишены всякой самостоятельности в оценках и суждениях; все, что они говорят, покорно не столько коммунистической идее, сколько коммунистической власти, их мнения официальные, правительственные. Им импонирует не правда, а сила и власть. Любя свободу, они не в силах сказать слова против отсутствия свободы в советской России, они все же потеряли способность обсуждать вопрос о свободе по существу. Они говорят так, как говорят люди, ведущие международную политику и подчиненные ей условной лжи.

Советская коммунистическая Россия в утробленной форме разделяет некоторые свойства мировой пореволюционной эпохи. На ней лежит неизгладимая печать войны. Атмосфера послевоенной эпохи тяжелая и несвободная. Мир имеет ауру, которую, вероятно, имеют люди после совершения преступления, это аура войны и убийства. Эта красно-коричневая аура есть и вокруг русского коммунизма, который насыщен испарениями войны. Деление мира на два лагеря есть чисто военное деление. В военном лагере не может быть свободы мысли и слова, не может быть никакой мысли, которая не имела бы утилитарно-военного характера. Таков фашизм, который ненавидит свободу и ненавидит мысль. Но таков же и коммунизм, в нем та же эманация. Правда, это объявляется временным, объясняется необходимостью самозащиты. Но этатизм и милитаризм обладают такими свойствами, что, если вы вступили на их путь, то остановиться и изменить направление невозможно, вы находитесь во власти этих inferнальных сил. Эманация абсолютного государства, всегда готового к войне, отравляет всю жизнь. Naивное рабство мысли и совести, предшествующее пробуждению и обострению сознания, есть зло исправимое и побди-

мое, но рабство мысли и совѣсти, получившее высшую санкцію сознанія, есть зло, которое труднѣе исправить и побѣдить. Сознательная любовь к рабству мысли и совѣсти есть то состояніе, к которому мір, повидимому, идет.

В Россіи происходят сейчас большія измѣненія. Эти измѣненія столь быстры, что все написанное дѣлается устарѣвшим на протяжении нѣскольких мѣсяцев. Есть очень положительное в происходящих процессах, есть и совсѣм отрицательное. Иногда кажется, что происходит незамѣтная контр-революція, которая впрочем совсѣм не есть возвращеніе к старому режиму. Наиболѣе цѣнным мнѣ представляется постановка проблемы челоука, который был совсѣм задавлен. Вѣроятно, есть экономическіе успѣхи, есть рост народнаго патриотизма, котораго в прошлом у нас не было, вѣроятно, состояніе красной арміи гораздо лучше, чѣм состояніе арміи царской, навѣрное, происходит элементарное просвѣщеніе и цивилизованіе народных масс, которыя находились во тьмѣ, и очень повысилась активность русскаго народа. Проект новой конституціи имѣет большое симптоматическое значеніе.

Положительные социальные результаты революціи не подлежат сомнѣнію, их могут отрицать лишь эмигранты, находящіеся в состояніи слѣпоты и глухоты, движимые патологическими аффектами ненависти. Но вот что печально, до ужаса печально. Атмосфера вокруг коммунизма, вокруг коммунистической власти остается прежней, аура имѣет плохую окраску. Измѣненія носят не столько идейный, сколько оппортунистическаго характера. Многое связано с боязнью войны, с международной политикой, с волей к сохраненію власти, хотя бы цѣной отказа от коммунизма. Коммунистическая идея постепенно ликвидируется. Если теперь будут сажать в концентраціонный лагерь и разстрѣливать людей «лѣваго» уклана, то это не мѣняет атмосферы, свободы не больше, шпионаж не ослаблен, мысль и совѣсть по прежнему насилуются. Иногда кажется, что через нѣкоторое время совсѣм измѣнится отношеніе к религиозному вопросу, но это не будет религиозная свобода, это будет приказ сверху посѣщать по воскресеньям церкви под угрозой тюрьмы и концентраціоннаго лагеря. Приказы «праваго»

уклона сейчас адресуются из Москвы коммунистам Запада. И коммунисты сдѣлаются милитаристами, имперіалистами и чѣм хотите. В такой атмосферѣ проблема социального переустройства человеческих обществ не может обсуждаться принципиально. Руководствуются не идейными соображеніями, а соображеніями утилитарными, которыя диктуются чудовищным, самодовлѣющим этатизмом, этой страшной болѣзнью нашей эпохи.

Нам могут сказать: только коммунисты попытались осуществить, реализовать свой идеал и потому встали на путь сильной власти, потому стали государственниками, социалисты же гуманитарного и свободолобиваго типа оказались совершенно неспособными что-либо осуществить, не могли реализовать социалистической власти, перевести свои теории в практику. Это, безспорно, вѣрно. Но весь вопрос в том, что осуществляется: осуществляется ли то, что хотѣли осуществить, или совсѣм другое? Не произошло ли с коммунизмом что-то аналогичное тому, что когда-то произошло с христианством, хотя удѣльный вѣс этих явленій различен? Христианство овладѣло имперіей, имперія склонилась перед крестом, власть стала христианской. Но в дѣйствительности имперія подчинила себѣ христианскую церковь. Традиція имперіи страшной тяжестью легла на исторію христианской церкви и исказила христианство. Русский коммунизм овладѣл необъятным русским государством, власть стала коммунистической. Но в дѣйствительности русское государство со своими старыми традиціями власти страшной тяжестью легло на коммунистическую власть, подчинило ее своим методам управления, внушило коммунистам свою волю к могуществу. Коммунисты осуществили свою власть, но не осуществили коммунизма. Получился трансформированный старый русский этатизм с элементами коммунизма и элементами фашизма. Третій Интернаціонал оказался трансформацией старой русской мессіанской идеи. Маркс был соединен с Іоанном Грозным. Народ, энергія котораго была освобождена революціей, все же по прежнему остается жертвой чудовищной гипертрофіи государства. Человѣческій матеріал этатизма измѣнился, это не дворянство и не купечество, а рабоче-крестьянскія массы, но осуществляется этатизм, который из переходнаго состоянія дѣла-

ется состояніем постоянным и как бы нормальным. Этим в значительной степени опредѣляется тяжесть атмосферы коммунизма, в его аурѣ есть эманации Іоанна Грознаго и властителей имперіи. Но самое абсолютное государство не абсолютно, самая тираническая власть не всемогуща. В Россіи происходят положительные народныя процессы, русскій народ освобожден революціей для несоизмѣримо большей активности, чѣм в старой императорской Россіи, и власть принуждена это учитывать и с этим сообразоваться. Психологическій климат русскаго коммунизма ставит прежде всего вопрос духовный и моральный, а не политическій и социальный.

Николай Бердяев.

Русская земля

Не поймет и не оцѣнит
Гордый взор иноплемснннй,
Что сквозит и тайно свѣтит
В наготѣ твоей смиренной...

Тютчев.

В нашем интеллигентском сознаніи прочно укоренилось представленіе о природѣ Россіи под вліяніем поэзій, философіи и т. д. Наше интеллигентское представленіе основывается скорѣе на эстетическом созерцаніи красот природы, чѣм на практическом знакомствѣ с особенностями нашей страны или на дѣятельном участіи в повседневной борьбѣ народа за его существованіе. Отсюда высокая оцѣнка природы Россіи, которую мы находим, как в своей душѣ, так и в высказываніях наших соотечественников. Но, если обратиться к самому русскому народу и выслушать его мнѣніе по данному вопросу, то оцѣнка природы Россіи будет отнюдь не положительной. Напротив, в народной душѣ мы уловим глубокое недовольство своей родной страной. В народном представленіи страна эта является удѣлом каторжнаго, плохо вознаграждаемаго труда, страной